

«Умственная оргия». Ф. М. Достоевский и тверские либералы

1

В апреле 1859, после 4 лет каторги в Омске и пяти с половиной лет военной службы в Семипалатинске, Достоевский был помилован и восстановлен в дворянском звании. Ему было позволено вернуться в европейскую Россию, но с обязательством «жить в отставке в Твери»¹. Туда он приезжает приблизительно 19 августа, и первое впечатление – самое мрачное: «Теперь я заперт в Твери, и это хуже Семипалатинска, – жалуется писатель еще 22 сентября. – Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движения, никаких интересов, – даже библиотеки нет порядочной»². Вернувшись после путешествия длиной 4000 верст вместе с женой и пасынком, подавленный нищетой и удрученный низкой оценкой своих первых после ссылки произведений, Достоевский проводит первые месяцы в Твери в судорожных попытках вновь получить разрешение на проживание в Санкт-Петербурге, чего он добивается в конце ноября при помощи губернатора П. Т. Баранова. В конце декабря Достоевский уже был в Петербурге.

Тем не менее, пребывание в верхневолжском городе не прошло для него зря. Осенью изоляция смягчается, и Достоевский оказывается очевидцем целого ряда любопытных событий, связанных с написанием манифеста об отмене крепостного права. В центре всего дела – Алексей Михайлович Унковский, молодой помещик из Твери и горячая голова, известный в высших правительственных кругах с апреля 1857, когда он, будучи только что избранным предводителем губернского дворянства, воспользовался этой должностью, чтобы собрать группу весьма отважных реформаторов.

В то время, как большая часть дворянства с первых же шагов правительства в направлении отмены крепостного права (царский рескрипт от ноября 1857 г., который допускал необходимость «улучшения быта помещичьих крестьян») пустилась в беспорядочную, но шумную кампанию по сохранению имущества и привилегий, Унковский и его сподвижники, напротив, настаивали на полной и немедленной передаче крестьянам большей части земель. Дворян Верхней Волги, области с небогатыми, но идеально расположенными для торговли землями, на самом деле, интересовало не сохранение земельной собственности, а свежие капиталы, которыми государство компенсировало отчуждение собственности в пользу крестьян: так бывшие помещики получили бы возмещение от Правительства в виде казначейских обязательств, финансируемых за счет приватизации огромного имущества, принадлежащего Государству (монополий, мануфактур), в которое как раз унковцы и собирались вложить средства от компенсации, полученной за отчуждение земель. Таким образом, бывшее дворянство превратилось бы в современный класс предпринимателей и сохранило бы общественное первенство, уже не как юридически привилегированное сословие, а как стержень нового социального блока (русской буржуазии, если угодно) в которой слились бы динамические элементы всех сословий.

Скоро к такой экономической программе добавляются политические требования. В феврале 1859 работа Губернского комитета завершается принятием Положения, в котором, помимо уже известных пунктов либеральной программы (полные гражданские права бывшим крепостным, немедленное прекращение феодальных обязательств, выдача крестьянам соответствующего земельного участка за счет государства), содержится и требование реформы местного управления в сторону большей его автономности и межсословности³.

Унковский входит также в состав губернских представителей, призванных в Петербург в августе 1859 года для участия в заключительной фазе работы Редакционных комиссий. В октябре, во время краткого пребывания в Твери, он печатает и распространяет обширную

¹ См. Летопись жизни и творчества .М. Достоевского, т. 1, Спб., Академический проект, 1993, с. 258.

² Ф.М. Достоевский, Полное собрание сочинений в тридцати томах, Л., Наука, 1972-1990 (далее: Д, с указанием тома и страницы), 28\1, 337.

³ Цит. в: Д.В. Чернышов, Унковский. Жизнь и судьба тверского реформатора, Тверь 1998, с. 105.

программную платформу, в которой содержатся наиболее характерные пункты его движения, участников которого в Петербурге называли «выкупщиками», то есть сторонниками немедленного и обязательного выкупа земельной собственности крестьянами. Отмена крепостного права должна была способствовать проведению полной юридической, административной, а в перспективе и государственной, реформе: «И так все дело в гласности, в учреждении независимого суда, в ответственности должностных лиц перед судом, в строгом разделении властей и в самоуправлении обществ в хозяйственном отношении»⁴. Система, получившаяся в результате этой новой волны реформ, должна была бы выглядеть как сеть местных выборных автономий: «Создайте самостоятельное, выборное, хозяйственно-распорядительное управление, обяжите его представлять гласно отчеты о своих действиях правительству и обществу и сделайте его ответственным только перед судом (...), и больше ничего не нужно»⁵. Буржуазный характер такой программы (создать административную и политическую систему, которая гарантировала бы свободу и динамичность экономических отношений) будет ясно описан через десять лет А.А. Головачевым, правой рукой Унковского и, возможно, главным автором экономической программы «выкупщиков»:

Уничтожение крепостного права не есть реформа, касающаяся только помещиков и их крестьян, а напротив есть реформа общегосударственная и вносит в нашу жизнь новое начало: *свободный труд*. Это новое начало должно изменить весь строй социальной жизни народа, должно изменить понятия, нравы и потребности общества, а с ними направление не одной сельско-хозяйственной, но и всей вообще промышленности; при таком значении реформы уединять ее от всех других – значит парализовать действие тех начал, которые вдвигаются в жизнь новым законом⁶.

Вернувшись в Петербург, чтобы участвовать в окончании работы Редакционной комиссии, Унковский вместе с другими четырьмя делегатами от Харькова и Ярославля, направляет царю призыв, так называемый «адрес пяти» (16.10.1859), где уже известная программа выкупщиков завершается едва скрываемым требованием политической демократизации через образование «хозяйственно-распорядительного управления, общего для всех сословий, основанного на выборном начале»⁷. Александр II сумел оценить такую прямоту: «Т. е. конституцию!!!»⁸, написал он собственноручно рядом с процитированной выше фразой. В целом, призыв показался ему «ни с чем несообразным и дерзким до крайности»⁹.

В декабре группа Унковского подняла новую бурю: в дворянском собрании, где должно было произойти переизбрание всех должностных лиц Тверской Губернии, приверженец Унковского А. И. Европеус выступил против запрета на обсуждение общих политических вопросов, выдвинутый незадолго до этого Министром Внутренних дел С.С. Ланским. В самый день открытия работы собрания, 8 декабря, он взял слово, чтобы отстаивать учреждение свободно избираемых представительных органов, против «произвола бюрократии»¹⁰. Неделью спустя, 15-го числа, было составлено обращение к царю, подписанное 154 дворянами (первым подписавшим был Унковский) и содержащее аналогичные требования. Единственным краткосрочным последствием этого стало удаление Унковского с должности предводителя. «Помню однажды рано поутру я выглянул в окно и был поражен необыкновенным движением людей и экипажей по улице. – Так вспоминает

⁴ <А. М. Унковский>, Соображения по докладам Редакционной комиссии \ «Голоса из России», кн. 9, London 1860 (факс. переизд. М., Наука, 1976), с. 30.

⁵ Там же, с. 46.

⁶ А. А. Головачев. Десять лет реформ, СПб. 1872, с. 160.

⁷ Цит в: В.А. Федоров, Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи, М., Изд. МГУ, 1994, с. 171.

⁸ Там же, с. 484.

⁹ Н. Семенов, Освобождение крестьян, т. 2, СПб. 1890, с. 128.

¹⁰ Цит. в: Д.В. Чернышов, Унковский, цит., с. 121.

этот день один очевидец, –

Ну, думаю, верно есть ответ. Быстро одевшись, я взял извозчика и поехал к Унковскому. Жил он в собственном маленьком домике, но подъехать к нему не было никакой возможности. Я принужден был слезть с извозчика и едва мог пробиться к крыльцу дома. Было уже известно, что на имя губернатора прислана телеграмма от министра внутренних дел о том, что предводитель дворянства Унковский отрешен от должности (...). Сам Унковский встречал каждого из нас остроумным замечанием: ‘Я первый в России санкюлот!’¹¹.

Это было 19 декабря. В тот вечер Достоевский покинул Тверь, чтобы вернуться в Петербург.

2

Достоевский был настолько близким свидетелем либеральных инициатив верхневолжского города, что друзья обращались к нему из Петербурга, чтобы узнать детали декабрьских событий: «Говорят Европеус в Твери страшно ораторствовал, – пишет ему 20 декабря А.Н. Плещеев. – Напиши мне, что там было»¹². Письмо послано, правда, несвоевременно: Достоевского уже нет в Твери, и как раз 20-го числа он приезжает в столицу.

Интерес, проявленный Плещеевым, был отнюдь не случайным: он тоже был петрашевцем и, в свою очередь, недавно вернулся из ссылки, так же, как и сам Европеус, который во время своего юношеского пребывания в Петербурге вращался в радикально настроенных кругах, где отличился, прежде всего, своим ярким фурьеризмом: 7 апреля 1849 года он даже устроил у себя в квартире обед в честь Фурье. 22 декабря того же года вместе с Достоевским и другими «мятежниками», как Плещеев, так и Европеус подверглись церемонии так и не состоявшейся «казни» на Семеновском плацу и были потом на многие годы сосланы в дисциплинарные батальоны¹³.

На этом список ветеранов дела Петрашевского, вовлеченных в мероприятиях Унковского, не завершается: в Твери жил некоторое время еще и Ф.Г. Толь, в 40-х годах преподаватель литературы и воинствующий атеист, известный среди петрашевцев своими пропагандистскими способностями. Несмотря на то, что во время допросов Достоевский заявил, что мало его знает, возможно чтобы прикрыть его, он был одним из петрашевцев, наиболее компетентных в вопросах эстетики, и есть свидетельства о его спорах с Достоевским в 1848 году о социальной функции литературы¹⁴. Фёдор Михайлович и Толь виделись в последний раз в январе 1850 г. в тобольской тюрьме, в Сибири, перед тем, как их отправили на каторгу¹⁵. Еще одним петрашевцем в тверской провинции был В.А. Головинский, в свое время один из самых молодых и радикальных членов движения, в 1847-1849 гг. сильно связанный с Достоевским (который ввел его в кружок и разделял с ним интерес к Прудону, теоретику социалистического федерализма) и являвшийся страстным защитником необходимости освобождения крестьян, даже путем восстания¹⁶. В 1844 году сам Унковский, в возрасте шестнадцати лет кратковременно виделся с Петрашевским, тогда

¹¹ Цит в: А. М. Унковский, Алексей Михайлович Унковский (1828-1893), М. 1979, с. 61.

¹² Литературный архив. Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования, под ред. А.С. Долинина, Л., Изд. АН СССР, 1935, с. 451.

¹³ См. С.В. Белов, Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь, СПб., Алетейя, 2001, т. 1, с. 294; т. 2, с. 104.

¹⁴ См.: Дело петрашевцев, 3 тт., М.-Л. 1937-1951, т. 2, с. 176.

¹⁵ Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, цит., т. 1, с. 179. После двух лет каторги Толь оседает на некоторое время в Томске, где присоединяется к М. А. Бакунину, живущему поблизости, который с большим энтузиазмом о нем отзывался в письме к Герцену (см. Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву, СПб. 1906, сс. 157-161). Вскоре Толь публикует роман «Труд и капитал»// «Русское слово», 1860, 10, 11. См. Б.П. Козьмин, Социальный роман петрашевца Феликса Толля, в: Его же, Литература и история, М. 1969.

¹⁶ См. Дело петрашевцев, цит., т. 3, с. 243. Стоит отметить, что время следствий Достоевский всячески старался прикрывать Головинского: см. Д, 18, 141-142, 144.

еще не ставшим известным социалистическим культуртрегером. Вскоре, исключенный из царскосельского лицея за вольнодумные стихи, Унковский перевелся в Москву на юридический факультет и поменял круг друзей: «Кто знает, – прокомментирует он впоследствии, – если бы не обыск в лицее в 1844 г., то в 1848 г. [так! – Г.К.] я угодил бы вместе с Петрашевским»¹⁷.

Было вполне естественно, что в 1859 году Достоевский, предвидя долгое пребывание в «самом ненавистнейшем городе в свете»¹⁸, позаботился о том, чтобы восстановить старые связи: «Головинский здесь и познакомил меня разом со всем здешним обществом, – пишет он брату уже первого октября. – Два-три человека есть хороших»¹⁹. А 23 октября своему старому коменданту в Семипалатинске А.И. Гейбовичу он напишет: «Между тем проезжает через Тверь один мой прежний знакомый, которому знакомы все в Твери (...). Через него я познакомился здесь с двумя-тремя домами»²⁰. Здесь Достоевский избегает упоминать Головинского, а также не уточняет, в какие «дома» тот его ввел: единственные новые знакомые, которые он упоминает по имени, как в письмах брату, так и Гейбовичу, – это губернатор Баранов (известный, как прототип губернатора Лембке из «Бесов») и его жена, уже знакомая Достоевскому в молодости по литературным кругам. Что касается «хороших людей», которых посещал Фёдор Михайлович, то сам Унковский в своих мемуарах позаботится о том, чтобы развеять сдержанность писателя: «В 1856 году были освобождены петрашевцы и декабристы», – напишет он потом в воспоминаниях, несколько путая даты. – «Многие из них помещены были на жительство в Твери. В числе их приехал товарищ Европеуса – Федор Михайлович Достоевский и водворен на жительство сюда же. Кстати тут был старик-декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Все мы часто сходились друг у друга, проводили время в разговорах о том, о сем»²¹. Муравьев-Апостол, в свое время стержень Южного общества и товарищ П.И. Пестеля, со своей стороны вспоминает, что имел связи с Толем и Унковским с марта 1858 г.²²

Единственное письменное упоминание Достоевского о разговорах в кругу Унковского отмечено самой тщательной благонамеренностью: «Какой это человек, какой это великий для России человек (...)!» – пишет он об Александре II в уже цитированном письме Гейбовичу. – «Здесь всё и виднее, и слышнее. Много, много здесь услышал. И с какими трудностями он борется! Есть же подлецы, которым не нравятся его спасительные меры, и все люди отсталые, закоренелые»²³. Несмотря на дымовую завесу, вполне понятную для бывшего каторжника в ожидании окончательного помилования, несложно представить, что Достоевский «видел и услышал» в те дни, а также почему именно в Твери было «всё и виднее, и слышнее», учитывая, что прошла всего лишь неделя с того призыва «пятерых», который «великому для России человеку» предъявил необыкновенно дерзкие требования. Так же несложно догадаться, что, упомянутые писателем «подлецы» – это аристократическая фронда, которая как раз в первых числах октября, по возвращении в Петербург фельдмаршала А.И. Барятинского (героя Кавказа, личного друга монарха, а также гордого защитника дворянских прав) перешел в решительное наступление против предстоящих реформ.²⁴

¹⁷ Записки Алексея Михайловича Унковского, «Русская мысль», 1906, 6, с. 186.

¹⁸ Д, 28/1, 331.

¹⁹ Там же, 341.

²⁰ Там же, 363. Аналогичное упоминание о «2-3 человеках» в письме А.Е. Врангелю от 31.10, там же, 371.

²¹ Записки Алексея Михайловича Унковского, «Русская мысль», 1906, 7, с.90.

²² См.: Декабристы, в: «Летописи государственного литературного музея», кн. 3, М. 1938, с. 220.

²³ Д, 28/1, 363-364.

²⁴ См. И.А. Христофоров, «Аристократическая оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг.», М., Русское слово, 2002. Такие интриганы ультра-аристократического толка, как М.А. Безобразов, В.П. Орлов-Давыдов и А.П. Бобринский – любимый партнер царя по ералашу, затем известный спекулянт в деле железнодорожного строительства, а также министр путей сообщения, были потом воплощены Достоевским в образе «дипломата», который в салоне Катерины Федоровны оправдывает «тонко и умно» свою «отвратительную» аристократическую идеологию: «Без нас нельзя, без нас ни одно общество еще никогда не стояло. Мы не потеряем, а напротив, еще выиграем; мы всплывем, всплывем, и девиз наш в настоящую минуту

Тем временем, в Твери крепнут связи между Достоевским и группой Унковского. Еще одно косвенное упоминание о последнем, от которого Достоевский ожидал вскоре быть представленным главе Редакционной комиссии Я.И. Ростовцеву, указывает на определенную степень близости между писателем и предводителем дворянства²⁵. Снова Достоевский умалчивает имена и подробности, и снова нам приходят на помощь воспоминания Унковского, который после описания своих частых бесед с Достоевским и Муравьевым-Апостолом, продолжает: «преобладали, конечно, интересы, касающиеся крестьянской реформы»²⁶. Известно, что в кругу Унковского разговор об аграрных реформах уводил в опасную даль. Достоевский, которому, насколько известно, более не довелось общаться с бывшими декабристами, шесть лет спустя опишет эту среду в одной яркой сцене «Преступления и наказания», исключенной потом из окончательной редакции. Разумихин (Головинский / Европеус) вытягивает Раскольникову из добровольной ссылки в своей каморке и приводит его на оживленное собрание:

Раскольников с изумлением окидывал собрание. В другом каком-нибудь собрании вечер, дошедший до такого градуса, давно бы обратился в оргию. Здесь уже началась оргия, только другого рода, умственная. Раздавались неестественные крики и споры. Чуть не дрались. Дело шло, разумеется, как и всегда, о самых отвлеченных вещах. Расслушать и понять постороннему уже ничего нельзя было. Всё говорило и кричало разом. Раскольников тихо и пристально оглядывал лица. Была молодежь, были и люди уже в летах. Были и такие, которые, конечно, не поверили бы, что и они изменят своей всегдашней светской солидности, что и они кончат тем, что вместе с другими, схватив друг друга за пуговицы или за воротник, будут кричать в одно и то же время, не понимая друг друга (...). Старичок, седой и тихий, с прекрасными чертами лица и с умной, снисходительной и ясной улыбкой, сидел вместе со всеми за стаканом пуншу и курил трубку. Были студенты, были два офицера, два художника, француз, не понимавший ни слова (...)²⁷.

Ничего общего с саркастическими описаниями нигилистского зверинца, к которому писатель приучит читателей начиная с «Идиота»: в фантазмагорической «умственной оргии», приведенной здесь, смешиваются и переплавляются в новый идеологический синтез сословия, поколения, профессии и даже национальности под «умным, снисходительным и ясным» покровительством ветерана 14 декабря. Добавим, что Муравьев-Апостол представил кругу Унковского еще одного бывшего декабриста – И.И. Пущина. Товарищ по лицу Пушкина, адресат хрестоматийного «Мой первый друг, мой друг бесценный» (1825), он был один из самых решительных сторонников цареубийства, и вместе с Пестелем убедил П.Г. Каховского совершить покушение на жизнь Николая на Сенатской площади, одним из самых дерзких организаторов которого он являлся. Будучи проездом в Твери, после того, как его помиловали, он доставляет Унковскому копию сверхзапрещенной конституции, составленной в двадцатые годы Никитой Муравьевым для «Северного общества». «Рассмотрев внимательно предложения, сделанные 35 лет тому назад, я чрезвычайно обрадовался сходству с нашими постоянными целями»²⁸, – сообщил предводитель дворянства старому герою 14-го декабря. Данный конституционный проект, напомним,

должен быть: *pire ça va, mieux ça est*. Таково же и мнение князя Валковского, который кивает в знак согласия «с отвратительным сочувствием» (Униженные и оскорбленные, гл. 9, впервые «Время», март 1861; Д, 3, 345).

²⁵ Д, 28/1, 366. С Ростовцевым, который был в 1849 году членом комиссии по делу петрашевцев, Достоевский уже встречался во время допросов. Легенда о предложении со стороны Ростовцева по освобождению писателя в обмен на подробную информацию о товарищах и о решительном отказе Достоевского дали начало многочисленным анекдотам и даже фантастическому сопоставлению Ростовцева с Порфирием Порфирьевичем в «Преступлении и наказании». См. С.В. Белов, Достоевский и его окружение, цит., т. 2, с. 162-164.

²⁶ Записки Алексея Михайловича Унковского, «Русская мысль», 1906, 7, с. 90.

²⁷ Д, 7, 207.

²⁸ Цит. по: Н. Эйдельман, Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений, М. 1991, с. 107.

предусматривал отмену крепостного права и федеральное устройство государства по модели США.

3

Через пару месяцев после событий середины декабря 1859 года не прекратившие агитационную деятельность Унковский и Европеус отправлены в ссылку в дальние провинциальные города. Вскоре, и окончательное осуществление проекта отмены крепостного права вызвало у либералов разочарование: расходы по выкупу земель, к тому же сильно переоцененных, полностью возлагались на крестьян, которые должны были выплатить непосильное возмещение, как помещику, так и Государству.

«Положение 19-го февраля имело в виду освободить труд и сделать его более производительным, – отметит по обыкновению трезво Головачев.

Но едва только крестьянин, согласно словам манифеста, успел осенить свое чело крестным знаменем во славу Освободителя, едва только он успел вздохнуть свободно после неволи, как казначейство присылает ему окладной лист с требованием от него плодов его первого свободного труда в виде возвышенного подушного сбора податей и государственных повинностей. Подобная мера необходимо должна была повредить последствиям освобождения крестьян²⁹.

Унковский возвращается в Тверь в сентябре 1860, окруженный растущей популярностью, особенно в той социальной смеси деклассированных мелких дворян, предпринимателей плебейского происхождения, чиновников низкого ранга и журналистов, которых уже тогда многие определяли как эмбрион «русского среднего сословия». Уже в конце февраля агенты третьего Отделения докладывали: «В кружках среднего сословия очень горячо говорят о ссылке в Вятку Унковского и Европеуса. Все за Унковского»³⁰. Тем временем и окружение Достоевского следило за положением экс-предводителя дворянства: «Унковский впал в апатию!» – пишет 18 июня 1861 г. А.А. Григорьев Н.Н. Страхову, цитируя Гамлета: «А ведь он – вспомнил: человек он был!..»³¹. Впечатление ведущего критика «Времени» (в Твери он был проездом по дороге в Оренбург), было скорее преувеличено. Стараясь в тот момент держаться в тени, Унковский действовал на всю катушку: завязывал тесные отношения с «левым крылом» славянофильства (с И.С. Аксаковым), и одновременно с западником М.Н. Катковым; он был в контакте с Герценом и радикалами «Современника», но и в то же время с великим князем Константином Николаевичем, лидером «просвещенных бюрократов», или константиновцев, которые в то время ненадолго обрели ведущую роль в Правительстве. Идеи Унковского стали общим достоянием довольно широкого и разнооттеночного круга, и его петербургские «пятницы» посещал также и Достоевский³².

С середины 1861 г., журнал «Время», основанный братьями Достоевскими в начале года, начинает приобретать все более радикальный тон в сходной с позицией Унковского критике препятствий на пути к завершению реформ, идущих от бюрократии и дворянства. Этому есть пример: в рубрике внутренней хроники в августовском номере – сарказм по поводу «литературной стыдливости», которая не позволяет официальной прессе рассматривать ключевые проблемы эпохи³³. Главной причиной кризиса экономических отношений объявляется двусмысленность манифеста 19 февраля, сохранившего большую часть феодальных обязательств и сильно ограничивающего переход поместий к крестьянам. Об этом свидетельствует все в той же августовской хронике вымышленный диалог между крестьянином и мелким дворянином: на замечание, что после освобождения бывшие

²⁹ А. А. Головачев, Десять лет реформ, цит., с. 61.

³⁰ Цит. по: В.Д. Чернышов, Унковский, цит., с. 137.

³¹ А. Григорьев, Письма, М., Наука, 1999, с. 251. Григорьев цитирует Гамлета, вспоминающего отца (акт I, сцена II).

³² См. Д, 20, 345.

³³ Наши домашние дела \ \ «Время», 1861, 8, с. 119

крепостные продолжают платить оброк, «мужичок качнул головой и видимо остался в недоумении». Неспособность правительства распутать узел аграрных проблем делает социально-экономическое равновесие очень хрупким и неустойчивым: «Так размышляют простые люди и недоумевают; над ними мелкие собственники недоумевают о судьбе своей собственности; далее – крупные промышленники недоумевают об участии своих промышленных дел, и наконец, едва ли не падают в недоумение самые глубокие экономисты (...). Все недоумевают, каждый по-своему и каждый в своем круге дел и взглядов...»³⁴.

Куратор рубрики внутренней хроники, впрочем, это был А.У. Порецкий, старый сотоварищ Достоевского еще с 40-х годов, а в 60-е годы – начальник инспекции в канцелярии Министерства государственных имуществ, человек, довольно компетентный в экономической сфере. Хорошим доказательством этому служит список структурных недостатков, составленный им на основе дебатов, прошедших на выставке промышленных товаров, завершившейся в Петербурге в июле: отсутствие «всякой поддержки со стороны кредитных учреждений и заботливости административных властей» в отношении промышленности; сосредоточение промышленного производства, в основном, на «элитном» рынке, в то время как почти полное отсутствие товаров, предназначенных для средних и низших экономических слоев, является показателем низкого роста спроса от этих последних; неспособность русской экономики выдержать конкуренцию на, как сегодня бы сказали, всё более глобализованном рынке.³⁵ Увод капиталов и рабочей силы от производительной деятельности и заторможение экономического роста страны – это следствие затягивания законодательного процесса по упорядочению земельной собственности: паразитические ренты целой социальной группы (дворянства) финансируются периодическими бумажными выпусками, на что многократно намекают аналитики «Времени»³⁶.

Само дворянство не могло избежать последствия кризиса: почти 90% собственников владело меньше, чем 100 крестьянами, и без гарантии на обладание соответствующим количеством «душ» не имело доступа к кредиту у земельных банков. Большая часть выкупных свидетельств, предложенных дворянам Государством в качестве частичной компенсации за земли, уступленные крестьянам, была практически сразу распродана спекулянтам всех мастей, чтобы справиться с долгами, накопленными за тридцать лет застоя (к 1859 году у помещиков было 426 миллионов рублей общего долга) и чтобы сохранить традиционный стиль непродуцированной жизни. Также и собственникам, относительно благополучным и осознающим необходимость приспособления к новым социально-экономическим отношениям, приходилось в начале весьма туго: вспомним Николая Петровича Кирсанова, добродушного отца Аркадия в «Отцах и детях», который, нуждаясь в свежих капиталах, начинает продавать лес крестьянам, «которые оброка не платят»³⁷. Действие романа происходит весной 1859 года, но социально-экономическая картина, описанная Тургеневым, в малейших деталях соответствует ситуации 1861: «Недавно заведенное на новый лад хозяйство скрипело, как немазаное колесо, трещало, как доделанная мебель из сырого дерева. Николай Петрович не унывал, но частенько вздыхал и задумывался: он чувствовал, что без денег дело не пойдет, а деньги у него почти все перевелись»³⁸.

³⁴ Там же, с. 119-120.

³⁵ Там же, с. 123-125.

³⁶ Там же, с. 123: «Голоса в ползу нового выпуска монетных знаков слышатся чаще и чаще, а против мнения теоретиков, стоящих за рациональность наших финансовых преобразований и утверждающих, что наши торговля и промышленность должны одними собственными средствами выпутаться из своего затруднительного положения, - против этого мнения возражения становятся резче и резче (...). По нашему мнению, выпуск новых бумажных денежных знаков едва ли поможет делу». Ср. Наши домашние дела \ «Время», 1861, 12, с. 91: «Давно слышали мы, и вам передавали, мнения знающих людей, что спасение от безденежья может заключаться только в усилении нашей отпускной торговли». Ср. также перечень текущих споров о недостатке капиталов в: Наши домашние дела \ «Время», 1861, 9, сс. 49-57.

³⁷ И.С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения в 12-ти томах, т. 7, М., Наука, 1981, с. 15.

³⁸ Там же, с. 35. Напротив, мелкие помещики Базаровы (обладатели всего лишь 15 душ) из тех же «Отцов и

Внутренняя хроника «Времени», отмечает быструю экономическую деградацию наименее защищенных помещичьих владений в июньском фельетоне о помещице средней руки, неслучайно сравниваемой с гоголевской Коробочкой. Крестьяне требуют за работу платы, но денег нет, и не у кого их просить, за что нео-Коробочка признает сама свою ответственность: «Правду сказать, и сама я немножко виновата: жила до сих пор и хозяйствовала спустя рукава; все шло у меня кое-как; денег не берегла. На дурное хоть не тратила, а не берегла. Копить бы надо было, экономничать, а я смолоду не научилась экономничать-то...».³⁹

Речь идет о щекотливых, с точки зрения цензуры, предметах. Это хорошо осознает А. Е. Разин, известный автор школьных пособий позитивистской ориентации и куратор рубрики зарубежной политики во «Времени», который критикует ограничения, наложенные *прусской* аристократией на конституцию, принятую в *Пруссии* в 1850 году: «Обещанные хартией органические законы остались в картонах министерств; обнародованные законы не были приведены в действие; свобода печати, право собраний, ответственность министров, самоуправление общин и провинций, отделение судебной власти от административной, свобода вероисповеданий, уничтожение сословных привилегий, все это осталось только на бумаге, а на деле явилось в совершенно искаженном виде». Не стоит и говорить даже, что виноваты «верхние слои», «судьба» которых «быть в оппозиции всякому либеральному стремлению»⁴⁰. Не случайно, что подобный анализ появляется в сентябрьском номере, когда режим Александра II достигает пика непопулярности и изоляции: «Меньшинство гражданских чинов и войско суть ныне единственные силы, на которые правительство может вполне опереться», – так в конце месяца докладывает министр Внутренних дел П.А. Валуев царю, который безутешно заключает: «грустная истина»⁴¹.

Длиннейшая рецензия в декабрьском номере, посвященная недавно выпущенной биографии М.М. Сперанского, также построена на иносказательных исторических параллелизмах. Написанная М.И. Владиславлевым, молодым семинаристом из Новгорода и будущим мужем племянницы Достоевского, статья не подписана, что указывает на ее созвучность с позициями всей редакции. Об этом свидетельствует и М.М. Достоевский, который 25 декабря пишет будущему зятю: «Статья о Сперанском – *превосходна!* И мне и брату она чрезвычайно понравилась (...). Мы вами очень дорожим и еще более любим вас»⁴². Владиславлев довольно свободно идет по следам рецензируемой им книги, имея явные полемические цели: «Мало иметь идеи, чтобы создавать прочные реформы (...), нужно для этого знать народ, его действительные потребности, нужно начинать дело с основания, а не с верхушки, нужно давать новые формы жизни в государстве прежде всего тому элементу, который действительно составляет его центр, дать ему более простору и свободы, дать выход действительно свежим силам: тогда только реформы будут прочны»⁴³. Здесь очевидна критика бюрократической централизации власти, а также навязывания реформ, разработанных без вовлечения общественного организма и без учета местных особенностей: «Улучшать надо было снизу»⁴⁴.

Такой социально-экономический анализ составляет непосредственный фон «Объявления о подписке» на 1862 год, напечатанного самым Достоевским в сентябрьском номере. Здесь в образе «воздухоплатателя, поднявшегося на 7000 футов от земли», писатель указывает на

детей» эту ситуацию лучше переживают: им-то и нечего уже терять. Впрочем, в условиях шестидесятих годов их социальный образ анахроничен и имеет литературное происхождение: он и Арина власьева, «настоящая русская дворяночка прежнего времени» (там же, с. 113), – это те же гоголевские «старосветские помещики», но поколение спустя.

³⁹ Наши домашние дела \ «Время», 1861, 7, с. 22.

⁴⁰ Политическое обозрение \ «Время», 1861, 9, сс. 66-67.

⁴¹ В.Г. Чернуха, Программная записка министра внутренних дел П.А. Валуева от 22 сентября 1861 г. \ «Вспомогательные исторические дисциплины», Л. 1976, т. 7, с. 215.

⁴² Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, цит., т. 1, с. 344.

⁴³ <М. И. Владиславлев>, Жизнь графа Сперанского. Соч. Барона М. Корфа. СПб. 1861 \ «Время», 1861, 12, с. 144.

⁴⁴ Там же, с. 154.

изоляцию и бесплодность старого правящего класса и его культуры: «Даже трусит немножко один-то... Дышать трудно, упасть можно... Ведь воздушный шар-то, пожалуй, может и лопнуть как мыльный пузырь...»⁴⁵. В черновых набросках вердикт оказывается куда жестче: «Сознательная масса, входящая в жизнь (новое общество). Мы накануне нового поколения (с боярства)»⁴⁶. Провал доминирующего социального блока, уподобленного старомосковской боярской касте, безапелляционен, и обновление страны вверено будущему правящему классу, пришедшему «снизу» и поэтому солидарному с культурой и интересами народных масс. Такой анализ будет неизменным у Достоевского, начиная с «Идиота» и «Бесов» и заканчивая «Братьями Карамазовыми»⁴⁷. Не будет излишним напомнить, что главным теоретиком будущего федерального и общинно-демократического переустройства Русского государства в журнале Достоевских был сибирский историк А.П. Щапов, перешедший во «Время» из эфемерного еженедельника «Век», основанного в феврале группой радикально настроенных публицистов, среди которых числился тверской триумвират (Унковский, Головачев, Европеус).

4

В начале 1862 года, несмотря на то, что социально-экономические проблемы остаются неразрешенными, культурный климат становится более толерантным, благодаря возросшему правительственному весу уже упомянутых «константиновцев». Особенно назначение одного из лидеров группы, А.В. Головнина, на пост министра Народного просвещения (и координатора цензурных ведомств), вызывает чрезмерный энтузиазм среди интеллектуалов: И.С. Аксаков даже сбрасывает с постели своего приятеля Унковского, чтобы объявить ему, что «Герцена сделали министром народного просвещения»⁴⁸. Все более горячим становится спор о будущем дворянства, особенно ввиду введения в Россию сети местных выборных автономий – земств, которые должны были бы заменить функции управления и общественного порядка, ранее исполняемые помещиками: Аксаков в одном нашумевшем выступлении в своем еженедельнике «День» черным по белому заявил, «что дальнейшее существование дворянского сословия, как сословия, на прежних основаниях, после великого дела 19 Февраля 1861 года, невозможно»⁴⁹. Как и следовало ожидать, из этого родилась заразительная полемика в печати, вскоре заморожена грозным «призывом к порядку» со стороны Валуева через «Северную почту», журнал, контролируемый Министерством внутренних дел⁵⁰.

Но были и силы, готовые поддержать Аксакова куда более активно, чем простой журнальной полемикой. 13 февраля 1862 года тверское дворянское собрание большинством голосов принимает протокол, в котором, помимо констатации общей недостаточности манифеста 19 февраля, содержится требование гласности и демократического контроля кредитной, финансовой и судебной систем, а также окончательное решение вопроса отношений собственности между бывшими господами и крепостными и прекращение

⁴⁵ Д, 19, с. 148.

⁴⁶ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860-1881 гг. \ «Литературное наследство», т. 83, М., Наука, 1971, с. 127.

⁴⁷ См.: Г. Карпи, Ф.М. Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману «Идиот» и другим материалам) \ Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения, М., Наследие, 2001; его же, Почвенничество и федерализм (А.П. Щапов и журнал «Время») \ «Вопросы литературы», 2004, № 4, сс. 169-170.

⁴⁸ Записки Алексея Михайловича Унковского, «Русская мысль», 1906, 7, с. 95. О Головнине, еще одной ключевой фигуре того времени, см. полную библиографию в: Д.Н. Шилов, Государственные деятели Российской Империи, СПб., Дмитрий Буланин, 2002, с. 196-197.

⁴⁹ «День», 06.12.1861, с. 2. Позицию Аксакова поддерживало «Время», а Достоевский особенно: см. Г. Карпи, Ф.М. Достоевский и судьбы русского дворянства, цит., 486-488 (прим. 13: библиография о данном вопросе). О социально-экономических взглядах славянофилов, см. Г. Карпи, Были ли славянофилы либералами? \ «Отечественная история», 2002, 9.

⁵⁰ Обзор позиций приведенных здесь см. в: Н.П. Барсуков, Жизнь и труды Михаила Погодина, т. 18, СПб. 1905, сс. 37-46; а также В.В. Гармиза, Подготовка земской реформы 1864 года, М. 1957, сс. 82-126.

повинностей со стороны последних. Протокол завершался просьбой о созыве «собрания выборных от всего народа без различия сословий», которому можно поручить продолжение и углубление реформаторского процесса. Но то, что поразило больше всего общественное мнение, учитывая, что сами авторы документа были дворянами, было требование немедленного упразднения сословий: «Уничтожение антагонизма сословий может быть произведено не иначе, как их полным слиянием», – заявляет собрание, присваивая позицию Аксакова, и во избежание двусмысленностей уточняет: «Дворянство, будучи глубоко проникнуто сознанием безотлагательной необходимости выйти из этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность в том, что оно составляет преграду на пути общего блага, объявляет пред лицом всей России, что оно отказывается от всех своих сословных привилегий»⁵¹. В воззвании к царю, сопровождающем документ, содержится также и призыв к необходимости преодолеть феодальные пережитки и в отношении налогов: «Неправеден тот порядок вещей, при котором бедный платит рубль, а богатый не платит и копейки», – заявляют тверичи, и, чтобы выйти из «положения тунеядцев, совершенно бесполезных своей родине», просят царя выделить им «часть государственных податей и повинностей соответственно состоянию каждого»⁵². Уравнивание прав и обязанностей в единой гражданской рамке было предпосылкой перехода власти от сословий и бюрократическо-министерских корпораций к представительному органу всей нации. На следующий день тринадцать мировых посредников Твери демонстративно отказались от буквального выполнения манифеста 19 февраля и утверждали, что в своей деятельности будут руководствоваться исключительно собственной совестью и гражданским сознанием.

Событие, главным вдохновителем которого был все тот же Унковский, увенчало целый ряд критических выступлений со стороны провинциального дворянства: «Кто ждал, что Тверь, Владимир, Харьков, Нижний, Калуга, Ярославль, Кострома (...) окажутся умнее, современнее, чем петербургские бюрократы и московские тузы, – комментировал Герцен. – Будущее – на здоровом провинциальном воздухе»⁵³. Однако скоро стало ясно, что несмотря на распространенную симпатию к инициативе дворян Твери, это не привело бы к таким же результатам в других городах, а на тринадцать мировых посредников обрушился топор Валуева: с 17 по 22 февраля все они были арестованы, привезены в Петербург и без суда заточены в Петропавловскую крепость. По указу Сената они получили суровые приговоры, но держать их взаперти никому не было угодно, к тому же это дело обсуждалось и в зарубежной прессе: в июле они все были помилованы под предлогом юбилея⁵⁴.

Единственным органом печати, который осмеливается поместить хронику дворянского собрания в Твери, было как раз «Время», в мартовском выпуске «Наших домашних дел», в вынужденно-нейтральном тоне которого сквозит солидарность и тревожное ожидание: «Недавно происходили, а в некоторых губерниях и теперь, может быть, еще происходят дворянские съезды по случаю выборов. Конечно, съезды нынешнего года не могли быть похожи на прежние: люди съехались под влиянием новых условий своего быта и, как видно из отрывочных сведений и слухов, влияние это отразилось на съездах»⁵⁵. Автору статьи (им был скорее всего Порецкий, писавший от имени всей редакции) совершенно ясны основные требования, поднятые призывом 3 февраля: сделать из земельного дворянства (а лучше сказать, из его наиболее продвинутых представителей) катализатор нового социального блока (в перспективе, современной земельной буржуазии); быстро перераспределить участки земли, чтобы примирить социальные отношения в деревнях и продолжить реформы.

Прежде дворяне имели за собой крепостную массу и покоились на ней, как на широком и устойчивом базисе. Теперь, не ощущая за собой этой массы, чувствуя непривычный

⁵¹ Н.И. Иорданский, Конституционное движение 60-х годов, СПб. 1906, с. 136.

⁵² Там же, сс. 138-139.

⁵³ «Колокол», 15.05.1860, с. 592.

⁵⁴ См.: И.П. Попов, Тверское выступление 1862 г. и его место в событиях революционной ситуации \\
Революционная ситуация в России, М. 1974.

⁵⁵ Наши домашние дела \\
«Время», 1862, 3, с. 32.

простор и даже некоторую пустоту вокруг, они естественно должны были получить большую развязность и в то же время потребность заменить исчезнувший базис какой-нибудь другой опорной точкой. Заметно, что они как бы протягивают руку, ища этой опорной точки в других сословиях. Такое состояние, по самому свойству своему, не может быть состоянием покоя; а между тем дела имущественные, неоконченные и неустроенные, еще вяжут руки и мешают свободе действий в других отношениях. Оттого слышится другое желание, другая потребность – скорейшего прекращения обязательных отношений с крестьянами. Можно полагать, что этими двумя желаниями характеризуется настоящее настроение большинства наших дворян-помещиков⁵⁶.

Публицисту «Времени» удастся также упомянуть об аресте мировых посредников Твери, определяя его как «очень грустный эпизод». Понятен сдержанный тон, учитывая волну репрессий, последовавших после очередной инициативы Унковского и товарищей: «Арест и препровождение в крепость тринадцати лиц были мерами экстраординарными, – так один молодой очевидец вспоминал в мемуарах арест мировых посредников. – Коротко сказать, к началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону». Как указывает тот же источник, «эту роль и сыграли потом майские пожары 1862 г. в Петербурге»⁵⁷ и, добавим мы, всплеск польского восстания. Эти травматические события во втором полугодии привели к затмению движения константиновцев и к усилению позиций политиков «железного кулака», таких как М.Н. Муравьев – «вешатель» и Валуев. Как раз по инициативе последнего, постепенно захватившего контроль над цензурой, в апреле 1863 г. будет закрыт журнал братьев Достоевских.

Здесь обрываются отношения между унковцами и вскоре быстро начинающим «праветь» Достоевским, неслучайно в 1864-1865 гг резко полемизирующим с «нигилятиной» «Современника», и особенно с М.Е. Салтыковым (Н. Щедриным), близким другом Унковского и его настоящим литературным alter ego⁵⁸. Только Головачев в 1864 году вернулся на короткое время на орбиту почвенничества, опубликовав в «Эпохе» длинную статью, в которой, в момент тяжелого финансового кризиса из-за проваленной попытки восстановить свободный обмен бумажного рубля, критиковалась вся экономическая политика Правительства, начиная с Крымской войны, и предлагалась либерализация денежного курса, а также «мобилизация недвижимого капитала на внешних рынках», чтобы привлечь иностранные инвестиции и ограничить корпоративный и спекулятивный характер нарождающегося русского капитализма⁵⁹. Впоследствии Достоевский поручил Головачеву статью об образовательной политике правительства, в итоге так и неопубликованную из-за идеологических разногласий⁶⁰. Тот же Головачев опубликует в «Эпохе» еще два выступления по зарубежной политике: в августовском выступлении пример объединения Италии и панегирик «великому» Кавуру служат очередному призыву правящему классу к тому, чтобы «следить за теми стремлениями, которыми одушевлены массы»⁶¹, к большей дальновидности и к продолжению реформ. Тем не менее, призыв выглядел довольно анахронично в контексте кровавого подавления польского восстания, начала насильственной русификации Белоруссии и Литвы и гражданской казни Н.Г. Чернышевского (19 мая). В зарубежной рубрике сентябрьского номера тон Головачева становится еще более резким: нетрудно угадать, кому

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Л.Ф. Пантелеев, Воспоминания, б. м., Гослитиздат, 1958, с. 276.

⁵⁸ Об этом эпизоде см. в: С. Макашин, Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е – 1870-е годы. Биография, М., Художественная литература, 1984, сс. 94-146.

⁵⁹ А. А. Головачев, О средствах к отвращению затруднений нашего денежного рынка \ \ «Эпоха», 1864, 3. Многие тезисы, выдвинутые в этой статье, особенно критика неконтролируемой эмиссии бумажных денег и постоянного обращения к иностранному капиталу, Головачев повторяет и углубляет в сочинении «Десять лет реформ», цит.

⁶⁰ См. примечания Достоевского к этой статье: Д, 20, с. 151.

⁶¹ <А. А. Головачев>, Политическое обозрение \ \ «Эпоха», 1864, 8, сс. 3-4.

на самом деле предназначалась критика Наполеона III и его бюрократического и репрессивного режима, который «ревниво оберегает свою власть и сильно тревожится всяким проявлением самостоятельного мнения в обществе»⁶². Смело уж слишком всё это для умеренной «Эпохи»: во время сдачи в печать третьего обзора (октябрь) идеологические разногласия становятся неизлечимыми, и сотрудничество Головачева с журналом прерывается⁶³.

Здесь, по существу, заканчиваются отношения Достоевского с тверской группой: например, ни писатель, ни его окружение не выказывают ни малейшей реакции на арест А.И. Европеуса во время следствия по делу Каракозова в апреле 1866 года. Также и контакты Достоевского и Унковского носят с этих пор случайный характер: в 1874 году Унковский примет участие как адвокат в деле, возбужденном писателем против издателя Ф.Т. Стелловского⁶⁴. Они еще раз навещают друг друга, но идеологическая пропасть уже непреодолима.

Гвидо Карпи (г. Пиза, Италия)

⁶² <А. А. Головачев>, Политическое обозрение \\\ «Эпоха», 1864, 9, сс. 5.

⁶³ См. Д, 20, 345-346; В.С. Нечаева, Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864-1865, М. 1975, сс. 75-83. Письма Головачева к Достоевскому опубликованы в: Л.Р. Ланский, Утраченные письма Достоевского \\\ «Вопросы литературы», 1971, 11.

⁶⁴ См. Письмо А.Г. Достоевской от апреля 1874 к зятю Николаю, в: Л.Р. Ланский, Достоевский в неизданной переписке современников \\\ Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования, «Литературное наследство», т. 86, М. 1973, сс. 437-438.